

Лужина Лариса

Общая газета. - 1998.
3-9 дек. - с. 16

ВАС ЛЮБЛЮ

Однажды всеильная госпожа министерша Екатерина Фурцева хотела занести Ларису Лужину в «черный список», обнаружив ее фото на обложке журнала «Пари-матч». Изображение не оставляло сомнений: советская актриса танцует в Канне буржуазный танец твист! Спасибо, Сергей Герасимов заступился — спас ученицу от неприятной истории. Кстати, после съемок в «Вертикали» именно ей, Ларисе Лужиной, а вовсе не Марине Влади, как многим кажется, знаменитый бард посвятил песенку «Она была в Париже».

Лариса Лужина могла бы не стать актрисой — ее вовсе могло бы не быть: в ленинградском блокадном детстве она вышла чудом — ее, малышку, вместе с матерью эвакуи-

ровали. А вот отец умер в первую зиму, бабушку убило осколком на улице, старшая сестра погибла от голода. Когда война закончилась, в их квартире жили уже другие люди, и мать увезла Ларису к деду в Таллин. Девочка выросла и попыталась поступить в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Пролетела. Вернулась домой и пошла на кондитерскую фабрику — зефир делать. А после устроилась в Таллинский дом моделей манекенщицей. Но судьба актрисы ее так не мимовала. Хотя актриса она явно нетипичная: в ответ на приглашение режиссера Лужина способна бескорыстно посоветовать обратиться к той, кто лучше с этой ролью может справиться.

Сергей Акулинячев

— Во ВГИКе вы учились в мастерской Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Герасимов часто снимал учеников, а вас не занял в своих фильмах ни разу. Почему? Вы не принадлежали к числу его любимчиков?

— Нет, дело не в этом. Сергей Аполлинариевич хорошо ко мне относился. Он, кстати, был уверен, что я обязательно сделаю театральную карьеру, ему мой голос очень нравился — постоянно ставил меня в пример: «Ларису будет слышно и на десятом, и на пятидесятом ряду!» А вот в картинах своих не занимал — может, считал, что эпизодов мне играть не нужно, а на главную роль я ему чисто внешне не подходила.

— Удивительно. По актерской манере, энергетике вы — абсолютно его актриса, мне кажется.

— Поэтому, наверное, и взял в свою мастерскую: он же меня принял вне конкурса, уже на второй семестр. Все произошло благодаря случайности. Я нигде не училась, но уже снялась в Таллине в нескольких небольших ролях, а в Москву приехала на кинопробы. И моя подруга Лейда Лайус, которая была студенткой второго курса режиссерского факультета, уговорила Сергея Аполлинариевича меня прослушать.

Мы пришли к ним домой. А я даже не знала, что такой Герасимов. Я ведь тогда воспринимала кино как обычный зритель: любила Макарову, Орлову, Серову, Целиковскую, а профессии режиссера для меня не существовало — мне казалось, что фильмами делают сами артисты. Поэтому, конечно же, смотрела на Тамару Федоровну во все глаза, читала ей одной, разговаривала только с ней. Герасимов спросит что-нибудь, а я отвечаю Макаровой, на него и внимания не обращаю: подумаешь, сидит какой-то лысый мужик с длинным носом. И так я от восхищения растерялась, что вскоре почувствовала: показываюсь плохо, вот-вот отправят меня восвояси. В отчаянье проплакала весь монолוג Ларисы из «Бесприданницы» и... услышала вердикт Герасимова: «Хорошо. Веру тебя на курс».

— А Макарова его к студентам не ревновала?

— Может, дома и ревновала, а при посторонних никогда.

— Он не давал повода?

— Вроде бы нет, у нас на курсе такого не было.

— Разве в него нельзя было влюбиться?

— В Герасимова? Хотя... Он блистательно читал лекции, мы слушали, раскрыв рот. Впрочем, когда лекция заканчивалась, порой не могли бы сказать, о чем она была. Но говорил он, конечно, потрясающе. И стихи декламировал великолепно. И пел. Так что, когда с ним пообщаешься, увлечешься, конечно, можно было.

На картине «Журналист», часть которой снималась в Сибири, вторым оператором был мой тогдашний муж Алексей Чардыньин, и он рассказывал, что в Герасимова влюбилась не то буфетчица, не то директор столовой — какая-то ядреная сибирская баба. Вообще, говорят, Сергей Аполлинариевич любил крепких породных женщин вроде Нонны Мордюковой — ее типа... Так вот эта буфетчица, с которой у него был роман, так на него запала...

... что всю группу подкармливала?

... что заявила: «Если бы дорогу к нему утыкали гвоздями, я бы и по гвоздям прошла». Значит, можно было в Герасимова сильно влюбиться.

— За глаза многие называли его Акулинячевым, так как он любил готовить. Хотя злопыхатели утверждают, что прозвище произошло не от «акулинара», а от «акулы», поскольку кое-кого он таки сожрал.

— Впервые об этом слышу, но, похоже, Акулинячевич — это все-таки от «акулы». Впрочем, не знаю, кого он съел. Мне кажется, при том весе, который Герасимов имел и в Союзе кинематографистов, и в правительстве, он мог бы гораздо больше сделать для кино. Мог бы быть поострее. Но он как-то искусно обходил острые углы, хотя и старался быть честным, порядочным человеком. Наверно, пострадавшие от его зубов вкладывали в это прозвище кровавый смысл, а хорошо накормленные — кулинарный оттенок.

Кстати, помню, кинематографисты отправлялись на какие-то премьерные показы в Сибирь, ехали поездом, везли «Две жизни» Лукова, «Люди и звери» Герасимова, мою картину «На семи ветрах» — словом, два вагона артистов семь суток томилась в дороге от скуки. И однажды Герасимов попросил закрыть вагон-ресторан для всех, кроме своих, и сам состри-

из фильма «На семи ветрах» замечательно тем, что выглядит невымышленной девушкой, но при этом ассоциируется с мифологическим образом вечной невесты. Но столь выигранный первая роль, кажется, не пошла на пользу вашей карьере.

— Да, в общем-то так получилось, что я почти ничего иного и не сыграла. Меня стали приглашать на аналогичные роли «толстых» героинь. Чем Нина в «Тишине» отличалась от Светланы из «На семи ветрах»? Только возрастом: она более самостоятельная женщина.

— Режиссер этого фильма Владимир Басов, говорят, был очень талантливым, но и сильно пьяным человеком. С ним было интересно работать?

— Да, очень. Это был крепкий режиссер, тонко чувствующий

мизансцену, актерскую природу. Он беспощадно сбивал с театральны артистов сценические штампы, ненатуральность. Для него главным был ритм, он говорил: «Так, ребята, этот эпизод разыграйте на пятнадцать хлопков». И принимался размеренно хлопать. Это было очень здорово и чувствовалось потом в картине. Вообще, он был очень милый человек, совершенно не пил в это время, был в хорошей форме. Я-то попала в его «Тишину» по чистой случайности: обычно Басов снимал своих жен, а тут — с Натальей Фатеевой он ушел с работы, с Валей Титовой еще не встретился.

— А за вами он ухаживал?

— Разве что в шутку. Вот в него-то как раз можно было влюбиться, он был некрасивый, но веселый и необыкновенно обаятельный.

От вечной невесты до царицы

Лариса Лужина на Каннском фестивале лепила пельмени для Сергея Герасимова

пал нам пельмени. Правда, собственноручно он только тесто приготовил и фарш трех сортов. Остальное сделали чернорабочие — то есть мы, артисты.

Был еще один случай, когда он заставил нас с Инной Гуляй лепить пельмени на фестивале в Канне, в 62-м году: он там прием организовал на вилле у своих друзей. Мы налепили, по моему, тысячи три, так что от усталости мирно проспали весь прием — даже результатов совместного творчества не попробовали... Между прочим, в Канне есть небольшая кафе — по моему, кафе «Пикассо», — где Сергей Аполлинариевич тоже свои кулинарные подвиги пропагандировал. С тех пор там в меню значатся «пельмени а ля Герасимов».

Женская верность и профессиональные романы

— Ваш первый громкий фильм — «На семи ветрах» Станислава Ростоцкого. Скажите, Ростоцкий и автор сценария Александр Галич сознательно полемизировали с фильмом Калатозова «Летят журавли»? Я имею в виду тему женской верности.

— Трудно сказать, сама я об этом не задумывалась, а разговора как-то не заходило. Знаю только, что у Галича и Ростоцкого была общая знакомая: то ли они оба были в нее влюблены, то ли просто дружили, но ее реальную историю положили в основу сценария.

— А как вы сами относитесь к понятию «верность»? Можете простить чисто физическую измену?

— Ну, смотря какая физическая измена и смотря в какой ситуации. В экстремальных обстоятельствах, как у нас в фильме, или, допустим, в картине «Жди меня», такая измена смертельно опасна. Помните, подруга героини Серовой в этом фильме тоже изменила мужу. Казалось бы, ничего страшного. А он вернулся с фронта, узнал и стал в тылу искать смерти. Так что во время войны измена, пусть даже она состоялась только в мыслях, как бы материализуется и несет гибель — я в это верю. Другое дело, в мирной жизни — ну уехал куда-то в экспедицию, с кем-то переспал — и ладно, никто об этом не узнает, никому это вреда не причинит. А может, даже принесет пользу.

— Ваша Светлана Иванова

мизансцену, актерскую природу. Он беспощадно сбивал с театральны артистов сценические штампы, ненатуральность. Для него главным был ритм, он говорил: «Так, ребята, этот эпизод разыграйте на пятнадцать хлопков». И принимался размеренно хлопать. Это было очень здорово и чувствовалось потом в картине. Вообще, он был очень милый человек, совершенно не пил в это время, был в хорошей форме. Я-то попала в его «Тишину» по чистой случайности: обычно Басов снимал своих жен, а тут — с Натальей Фатеевой он ушел с работы, с Валей Титовой еще не встретился.

— А за вами он ухаживал?

— Разве что в шутку. Вот в него-то как раз можно было влюбиться, он был некрасивый, но веселый и необыкновенно обаятельный.

Диссиденты и обложка «Пари-матч»

— Вы снялись в нескольких фильмах по сценариям диссидентов — Александра Галича, Юза Аleshковского, Георгия Владимова. Вам удалось с кем-то из них подружиться?

— Погодите, Владимир... А, «Большая руда!» Вот тоже интересный был человек. Собственно, не был, а есть — жив он, слава богу. Владимир приехал к нам на съемки в город Губкин — это в районе Курской магнитной аномалии. Там открытый карьер, на котором в основном работали освобожденные зэки: их ближе Губкина к Москве не допускали. И Жена Урбанский, например, познакомился со странным парнем — тот за убийство сидел, но лирик был потрясающий. Приходил к нам в гостиницу, и они с Урбанским наперебой стихи читали: Урбанский — Маяковского, а этот Есенина. Он и сам был голубезным, в Есенина чем-то походил. Но — убийца!

А Владимир сам немножко напоминал зека: короткая стрижка, большое родимое пятно, зубы такие редкие — зловещий какой-то внешне. Хотя оказалось, очень скромный, ранимый, замечания артистам стеснялся делать...

— После «Вертикали» вас часто спрашивали, не возникло ли на съемках романтических отношений с Высоцким. Вы отвечали «нет», однажды добавили «к сожалению».

— Я вообще ни к одному из своих партнеров не испытывала никаких особых чувств.

— А прав ли Мюзе, описав в романе «Театр», что героиня, влюбившись, стала плохо играть: принялась упиваться своими подлинными чувствами?

— Наоборот. Во время работы мне влюбленность совершенно не мешала. Поэтому я всегда вбираю в группу «объект». Причем он может и не знать о моих чувствах, зато я собираюсь на съемку, как на свидание, и работаю на площадке только ради него.

— Кажется, обычно это бывае оператор?

— Да, мне всегда почему-то нравились люди этой профессии, начиная с Шумского, который снимал «На семи ветрах», — он был такой красивый, высокий, зеленоглазый, молчаливый, напоминал Генри Фонду. Все женщины в него влюблялись. Его жена Ляля Шагалова сейчас, надеюсь, ревновать к этим словам уже не будет. Я заметила, что все ребята-операторы очень немногословны, так что кажется, будто за их обликом кроется какая-то тайна, и страшно хочется ее разгадать. К тому же ты от них как бы зависишь и знаешь, что если почувствуешь твое отношение, то стану уделять тебе больше внимания и снимут получше.

— Вы часто бывали за границей в те годы, когда выезжать удавалось немногим. Что вас там поразило? Не считая, конечно, Робера Осейна, который в Канне вас звал в свой номер целоваться.

— Самой первой была как раз поездка во Францию. Когда мы ехали утром из аэропорта Орли, я увидела на одной из улиц череду красивых, нарядных, фигурных девушек и по наивности спросила, кто они такие. Француз-переводчик пояснил, что это женщины определенной профессии. «А почему в десять утра?» Мне-то казалось, что этим занимаются только ночью. Он пожал плечами: «У них круглосуточная работа». Вот это и поразило.

Кстати, однажды, несмотря на то что всеми советскими инструкциями запрещалось гулять в одиночку, я вышла пройтись. Причем до этого я заметила, что на улице никто ни на кого не обращает внимания, а тут вдруг чувствую — мужики на меня смотрят. Надо же, думаю, наверное, хорошо выгляжу! А когда рассказала тому же переводчику и назвала улицу, по которой flanировала (это был квартал Сен-Дени), то он объяснил, что там как раз работают проститутки.

из фильма «На семи ветрах» замечательно тем, что выглядит невымышленной девушкой, но при этом ассоциируется с мифологическим образом вечной невесты. Но столь выигранный первая роль, кажется, не пошла на пользу вашей карьере.

— Да, в общем-то так получилось, что я почти ничего иного и не сыграла. Меня стали приглашать на аналогичные роли «толстых» героинь. Чем Нина в «Тишине» отличалась от Светланы из «На семи ветрах»? Только возрастом: она более самостоятельная женщина.

— Режиссер этого фильма Владимир Басов, говорят, был очень талантливым, но и сильно пьяным человеком. С ним было интересно работать?

— Да, очень. Это был крепкий режиссер, тонко чувствующий

Григорий Чухрай рассказывал, как с Изольдой Извицкой в Канне случилась обидная история. Фильм «Сорок первый» имел большой успех, и она попала на разворот какой-то известной газеты, где поместили коллаж: множество звезд в нарядках «от кутюр». А Извицкая была снята чуть ли не в ситцевом платице, и подпись под фото гласила: «Она тоже надела свой лучший туалет». Вы-то как с гардеробом выкручивались?

— Мне было невозможно легче, потому что сохранились связи с Таллинским домом моделей, где я работала до ВГИКа, и мне прислали оттуда два чудных вечерних платья. К тому же на студии Горького работал прекрасный портной по фамилии Затирка, который обшивал нашу делегацию, так что все мужичины, от Герасимова до Райзмана, шеголяли в безупречных (правда, одинаковых) костюмах цвета маренго. А мне Затирка шил пляжные шорты и рубашку с погончиками, это был последний шик. Короче говоря, какие-то наряды у меня имелись, и я оказалась в лучшем положении, чем Инна Гуляй: фильм с ее участием «Когда деревья были большими» шел в конкурсной программе, а это означало, что ей придется подниматься на сцену. И ей помогла Надежда Петровна Леже, которая нас опекала: она решила купить Инне вечернее платье. Узнав об этом, супруг Надежды Петровны (овдовев, она снова вышла за своего прежнего мужа, тоже художника, с которым жила до Фернана Леже) сказала: «Что же ты, Надя, покупаешь только Инне? А Ларисе?» — «Да у Ларисы есть».

— Нет, так не пойдет. Если ты отказываешься, то я сам это сделаю. И ей пришлось купить мне дивное платье — голубое, кружевное, в обтяжку. Именно в этом платье я и попала на обложку «Пари-матч», меня сняли на каком-то приеме, где я танцевала твист, а под фотографией написали: «Русская актриса в платье, достойном Марилин Монро».

Обещала, что прокатит на МИГе, — номера не помню, но это тяжелый бомбардировщик, которым она управляла. Правда, обещания до сих пор не выполнила.

— А с парашютом прыгать приходилось?

— Только в юности, в десятом классе. Мне тогда нравились мужские виды спорта, хотелось заниматься мотоголками, хвастами, планеризмом. И я действительно летала на планерах, до сих пор помню названия: БРО-9, «Пионер». Представляете, что такое — парить, как птица, в абсолютной тишине, когда ты совершенно одна — никого рядом! Сейчас бы ни за что в жизни не села в этот планер. И в горы бы не полезла.

— Когда вы играли мать Гагарина в фильме «Так начиналась легенда», это было что-то вроде гомосаказа?

— Да нет, не думаю. Хотя, может быть, Нагибину сценарий и заказали, но мы снимали обычный фильм. Не считая того что консультантами были космонавт Леонов и сама Анна Тимофеевна... Жору Буркова на роль отца еле-еле утвердили. Хотя все знали, что Алексей Иванович в самом деле был простой пьяный мужик, но считалось, что отец героя должен выглядеть положительным во всех отношениях. И очень здорово, что Бурков все же его сыграл, потому что хотя нам и категорически запретили показывать в картине эту маленькую слабость, но по лицу Буркова она хотя бы прочитывалась. Отец у нас вообще получился трогательный — такой, каким Алексей Иванович и был в действительности, судя по воспоминаниям.

...Один из его друзей рассказывал, что как раз 12 апреля 61-го года они были на рыбалке. Взяли с собой маленького приемника — и вдруг сообщение: «В космосе майор Юрий Алексеевич Гагарин!» Друг толкает Алексея Ивановича: «Лепш, Юрка-то летай!» — в космос полетел! А тот послушал-послушал и говорит: «Да то не мой, мой — лейтенант». Гагарину же прямо во время полета присвоили майора.

Чувство полета

— На съемках «Вертикали» вы занимались альпинизмом в обществе Говорухина и первых скалолазов страны. А после фильма «Небо со мной» автор сценария Марина Попович не давала вам «поручить» самолетом?

— При всей красоте и женственности Светлана Сергеевна очень энергичный режиссер с мужской хваткой и складом ума. Да и профессионалов-мужчин с бабским характером тоже не припомню. Вообще, у меня никогда не было своего режиссера, я не попала ни в одну режиссерскую команду (знаете, некоторые из фильмов в фильм снимают любимых актеров). Это могло бы случиться, если бы был жив Семен Ильич Туманов, но он ушел из жизни в пятьдесят лет, сделал всего пять картин, правда очень хороших: «Алешкина любовь», «Ко мне, Мухтар!», «Николай Бауман», «Любовь Серафима Фролова» и «Жизнь на грешной земле». В двух последних я снималась в главных ролях. Туманов был исключительно ранимым человеком, а время было тяжелое, цензура зверская, и «Жизнь на грешной земле», например, мы переклеивали уже по живому — меняли текст, переозвучивали из-за какого-то слова, которое нам приказывали заменить. Туманов страшно нервничал, покрывался красными пятнами, даже чесаться начинал, с ним случались истерики — в общем, реагировал ужасно. А настаивать и ругаться не умел. И умер на другой день после того, как закончили озвучивание картины, — сердце не выдержало.

— Со «своим» режиссером вам не повезло. А были у вас «покровители»?

— Нет. Никто мне ничего такого не предлагал, хотя я знаю, что подобное — не редкость. Впрочем, еще в Таллине приключилась одна история. Я снималась у Герберта Раппопорта в фильме «В дождь и в солнце», а со студии Горького приехали два кинодеятели и, назвав меня режиссерами, вызвали меня на переговоры в гостиницу «Астория». Потом выяснилось, что это были помреж и, кажется, администратор. Они мне даже сценария читать не дали, просто пригласили в номер и сказали, что в картине будет эпизод, когда героиня, мол, в ванной купается. Им, мол, нужно посмотреть, какая у меня фигура. Я сказала: «Извините, ничего я вам показывать не буду» — и ушла. Но меня все же вызвали в Москву на пробу. Один из этих субчиков встретил меня на вокзале и нагло предложил: будьешь со мной — будешь сниматься. Конечно, я его послала подальше.

— Правда ли, что ваш нынешний муж, по профессии режиссер массовых театральных зрелищ, безработный?

— Пока нет. Он пробовал заниматься бизнесом, но прогорел и сейчас решил вернуться к своей прежней деятельности. Но времени-то ушло, он не смог приспособиться к сегодняшним условиям игры. Недавно мы решили создать что-то вроде антрепризы. Кинулись в банки, разослали письма о том, что хотим восстановить два спектакля: «Курису» Николая Коляды и «Светлые души» по рассказам Шукшина. Но, к сожалению, куда ни тыкались, ничего не получается, не можем добыть даже скромную сумму на рекламу. Я было познакомилась с одним влиятельным бизнесменом, он пообещал, но... естественно, обманул. Причем, Слава,

муж, договорился с городами, где нас готовы принять, но без рекламы это невозможно. Ситуация, в общем, аховая. Хочется работать, хочется все-таки не терять квалификации...

— Однажды, когда вас предал один из ваших возлюбленных, вы пытались уйти из жизни. Преодолев эту психическую травму, можете ли вы утверждать, что жить необходимо при любых условиях?

— Я считаю, никто не вправе распоряжаться своей судьбой, она во власти Бога. К тому же в том состоянии, в каком это обычно происходит, уйти из жизни не стоит особого труда: человек не осознает, что делает. Но если все же находятся силы преодолеть страшное искушение, то вскоре понимаешь, что попытка была бы бессмысленной, что все это чепуха, что сегодня ты ушел — завтра тебя забудут. То есть ты причинишь боль только близким, которые тебя любят, а не тому, кто предал.

— В начале века жила выдающаяся женщина по имени Лу Андреас Саломе, в которую были влюблены Ницше, Рильке, даже Зигмунд Фрейд. И сохранилось фото, где Лу, зажав в руках кнутик, стоит в повозке, в которую вместо лошадей впряжены Ницше и философ Фоль Рэ. В подобной мизансцене кого бы хотели видеть в своей упряжке?

— Наверное, Робера Осейна. Или Алена Делона. Кто еще? Ив Монтан, Бельмондо — над ними стояла бы с кнутиком не без удовольствия.

— Каковы ваши профессиональные перспективы?

— Во-первых, мы, наверное, все-таки сыграем восстановленный спектакль «Курису», о котором я говорила. Пусть только для друзей и близких, пусть даже и в подвале — есть такой молодежный центр в Большом Тишинском переулке, где нам разрешают бесплатно репетировать. Кроме того, несколько режиссеров снимают сейчас сериал «Курортный роман», и одну из новелл под названием «Перекресток судьбы» делает мой соратник Сергей Никоненко. У моей героини сын, он влюбляется в девушку, ее тетю играет Ирина Шевчук, и все мы как бы завязаны в этой легкой симпатичной истории. А еще заканчиваю сниматься у Светланы Дружининой в «Тайнах дворцовых переворотов».

— Судя по портрету на стене, костюм у вас там роскошный.

— Это Праксис Долгорукая из клана Долгоруких, которые страстно мечтали посадить на престол свою дочь.

— Ваша героиня — коварная интриганка?

— Не столько она, сколько ее муж Алексей Григорьевич (его играет Алексей Жарков), это он хочет подложить свою восемнадцатилетнюю Катю под чепырнадцатилетнего Петра II. Я впервые попала в костюмную картину, поэтому даже попросила художника сделать мне на паутине этот «парадный портрет». Пусть, думаю, висит — внук подрастет и когда-нибудь скажет: «А моя бабушка была царицей!»

Беседовала
Татьяна РАСКАЗОВА